

РАЗДЕЛ II.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 34(091) (470)

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА МОСКОВСКОГО СОВЕСТНОГО СУДА (1782–1861 ГГ.)

Баранов Ю. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Основная цель работы – показать на примерах судебной практики Московского совестного суда решения по гражданским и уголовным делам, охране личной свободы. И, таким образом, определить место и значение совестного суда в российской системе правосудия.

Процедура и методы исследования. Впервые вводятся в научный оборот архивные документы Московского совестного суда, а сравнительный историко-правовой анализ на их основе позволяет увидеть процесс принятия решений судьей.

Результаты проведённого исследования. Создание совестных судов «разгружало» другие суды от малозначительных дел и позволяло разбирать более широкий спектр дел, чем требовал закон. Применение в судебной практике принципа *ius naturale* способствовало проведению в жизнь идей гуманизма. Примеры судебной практики Московского совестного суда показали, как происходили примирение сторон по гражданским искам, проявление милосердия по уголовным делам и создание прецедентов по ограничению произвола властей к человеческой личности. Обобщение архивных и опубликованных документов позволило определить место и значение совестного суда в судебной системе империи.

Теоретическая/практическая значимость. Данное исследование на основе анализа архивных документов опровергает устоявшееся мнение о «никчёмности» совестного суда и определяет слабоизученные вопросы, связанные с его деятельностью. Судебная практика Московского совестного суда показала применение гуманистических начал в его деятельности и способствовала их проникновению в общество. Результаты исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего научного исследования по истории совестного суда.

Ключевые слова: Московская губерния, просвещённый абсолютизм, совестный суд, судебная практика, закон, естественная справедливость, примирение сторон, милосердие, охрана личной свободы

JUDICIAL PRACTICE OF THE MOSCOW COURT OF CONSCIENCE (1782–1861)

Y. Baranov

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoi st., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. By examples of the judicial practice of the Moscow Court of Conscience to show judgments on civil and criminal cases, protection of personal freedom and determine the place and role of the court of conscience in the Russian system of justice.

Methodology and Approach. The study presents some new archival documents of the Moscow Court of Conscience and carries out their historical and legal research, which allows the author to observe court resolutions making.

Results. The creation of courts of conscience «unloaded» other courts from minor cases and allowed to consider a wider range of cases than required by the law. The application of the principle of *ius naturale* in judicial practice contributed to the implementation of the ideas of humanism. The examples of the Moscow Council Court practice showed how the parties were reconciled in civil cases, appealed to mercy in criminal cases and how precedents were set to reduce officials' highhanded attitude towards personality. The comprehensive analysis of archival and published documents made it possible to determine the place and role of the court of conscience in the judicial system of the Russian Empire.

Theoretical and Practical Value. This study, based on the analysis of archival documents, refutes the established opinion about the «worthlessness» of the court of conscience and reveals poorly studied issues related to its activities. The judicial practice of the Moscow Court of Conscience testified to the use of humanistic principles in its activities and contributed to their penetration into society. The results of the study can be used in further scientific research on the history of the court of conscience.

Keywords: Moscow province, enlightened absolutism, court of conscience, judicial practice, law, natural justice, reconciliation of the parties, mercy, protection of personal freedom

В постсоветское время возрос интерес к прошлому, в т. ч. и к совестному суду. В различных областях России появились работы, раскрывающие его деятельность [2; 4; 5; 6; 7], за исключением столичного региона: исследований о Московском совестном суде автором не обнаружено. Предлагаемая статья частично ликвидирует данный пробел.

Как известно, в ходе проведения административно-судебной реформы Екатерина II повелевала учредить в каждой губернии по одному совестному суду. В состав суда входили председатель и 6 заседателей, выбранных от сословий дворян, горожан, поселян. Срок полномочий каждого состава суда составлял 3 года. В своих суждениях члены суда руководствовались законами и принципами естественной справедливости, т. к. «совестный суд никогда судьбы ни чьей да не отяготит». Под его юрисдикцию попадали гражданские и уголовные дела и охрана личной свободы¹, а правовую осно-

ву составляли законодательные акты, начиная от Соборного Уложения 1649 г.

В Московской губернии совестный суд сформировали в октябре 1782 г., и первым судьёй стал тайный советник, сенатор и кавалер М. М. Салтыков². Годовое содержание суда было определено в 390 руб.³.

В архиве сохранилось значительное количество дел, затрагивающих имущественные отношения. Примирить тяжущихся путём компромисса являлось целью совестного суда. В ходе судебного процесса сторонам предлагали самостоятельно решить спор, затем при помощи посредников, и, наконец, суд озвучивал своё решение спора. Если получить согласия сторон не удавалось, иск передавался в суд общей юрисдикции.

Так, в начале 80-х гг. XVIII в. суд рассматривал прошение детей князя Мещерского, в котором они сообщали, что отец их, князь Мещерский, на свои деньги покупал у раз-

¹ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 г. Гл. XXVI «О совестном суде и его должности». Ст. 395–403 // Законодательство Екатерины II. 2 т. Т. 1. М.:

Юридическая литература, 2000. С. 455–457.

² Центральный государственный архив Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Л. 15.

³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 279, 311, 311 об., 312.

ных помещиков дворовых людей и крестьян на имя господина М. Неронова. Последний обещал дать князю на тех людей купчую крепость. При жизни обоих сделку совершить не удалось, и дети князя Мещерского требовали их возврата. На суде одна из дочерей М. Неронова Елизавета подтвердила, что отец приказал вернуть их законному владельцу князю Мещерскому. Из своей части наследства она согласна «дать ему (князю Василию, сыну Мещерского) от крепостных дел записку или купчую крепость... и сие положенное мое согласие да благоволит совестный суд по силе вышеизложенной 400 ст. укрепить печатью. 1785 г. 29 января». Т. е. было заключено мировое соглашение с одной из наследниц¹.

При Александре I процессуальная практика претерпела некоторые новации. В частности, по его указу (1816 г.) спорные дела между родителями и детьми о движимом и недвижимом имуществе рассматривались только в совестном суде², как это было между поручиком Владимиром Мельгуновым и его матерью. В иске, предъявленном им своей матери, бывшей опекунше, он указал, что в отчётах, подаваемых ею в Московскую дворянскую опеку, денежные суммы не соответствуют действительности. В частности, она уменьшала доходы с «детского» имения; не указала своей доли прибыли с новых имений, купленных на «детские» деньги; утаила перед дворянской опекой выручку, полученную от продажи леса, хлеба; выдала бабушке малолетних Е. Мельгуновой денег больше, чем следовало по условию, и т. д. По мнению Мельгунова, мать должна ему, его братьям и сестрам 265 346 руб. 48 коп. серебром, но он просил взыскать с матери только свою долю в размере 41 460 руб. 38 $\frac{3}{4}$ коп. серебром.

Родительница не опровергла представленных доказательств, и суд решил: иск поручика В. С. Мельгунова к матери его, Н. А. Мельгуновой, на сумму 44 770 руб. 31 $\frac{3}{4}$ коп. серебром признать правильным и взыскать их с Н. Мельгуновой. В случае не-

согласия их к примирению «на поставленных сим мнением условиях, потребовать от них отзвывы, которые вместе с делом представить на окончательное разрешение в Правительствующий Сенат»³.

Как было отмечено выше, при принятии решений суд руководствовался принципом естественной справедливости. В архивах суда сохранилось дело коллежского регистратора П. С. Умнева, подавшего в 1849 г. прошение, суть которого состояла в следующем: в 1839 г. он завещал детям 6 000 руб. для покупки дома на имя его жены Марфы и жить на средства, получаемые от сдачи части дома. Купив дом, его жена написала завещание в пользу детей, а до их совершеннолетия домом владеть ему, Умневу, без всякого участия в том опеки и опекунов. Со временем, по его мнению, жена стала вести себя плохо, несмотря на приносимый доход, она не следила за состоянием дома и не занималась детьми – «дети не образуются». Поэтому он просил совестный суд признать недействительными купчую крепость, завещание его и жены и копии с них, составить другой акт на имя детей, а жену Марфу навсегда лишить прав на дом и детей. Суд установил, что Умнев имеет «характер сварливый и придиричивый в особенности к своему семейству», а «жена его ведёт себя прилично своему званию, характер имеет скромный...» и отказал ему в прошении как бездоказательном. Т. о., суд защитил интересы жены и детей⁴.

Большой пласт документов относится к внутрисемейным делам, касавшимся помощи родителям, взаимного уважения и т. д. Серпуховской мещанин И. П. Гульшин потребовал от своего сына Павла ежегодной выплаты по 50 руб. серебром на содержание в старости. Сын отказался, и дело рассматривалось в суде, который вынес решение: раз отец содержал сына, то на основании ст. 188 X т. Свода законов сын теперь должен содержать отца, платя ему ежегодно по 25 руб. серебром⁵. Московский купец Леон Карелов жаловался на своего

¹ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 153. Л. 1, 1 об.

² ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 37. Л. 101, 101 об.

³ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 149. Л. 499–550 вкл. об.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 82. Л. 737–743 вкл. об.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 83. Л. 653, 655.

сына, Михаила Карелова, за «оскорбление родительских прав». Вызванный в суд сын повинился, и отец его простил, о чём была взята с отца расписка¹. Помимо перечисленных дел в суде разбирались дела о наследстве, вводе во владение, возврате крепостных, долгах и т. д.

Кроме того, совестный суд рассматривал уголовные дела, где источником преступления являлась не сознательная воля преступника, а физический или нравственный недостаток. И первая группа таких дел очерчена очень туманно: «Дела, касающаяся до таковых преступников, кои иногда более по несчастливому какому нинаестъ приключению, либо по стечению различных обстоятельств впади в прегрешения, судьбу их отягощающия выше мер ими содеянного». Вторая категория более понятна, она относится к лицам, которые не могут быть субъектами преступлений, – умалишённым и детям. Однако закон вслед за Артикулом воинским расценивает и их деяния как преступные. Третья категория особенно оригинальна – дела колдунов или о колдовстве. С одной стороны, законодатель считает колдовство глупостью, обманом и невежеством, но с другой – всё же относит его к деяниям, заслуживающим судебного преследования². Словом, суду вверялся «совестный разбор и осторожное и милосердное окончание дел ему порученных».

К первой категории можно отнести *тяжкие уголовные преступления*. За убийство детей, рождённых в блуде, на основании ст. 26 гл. XXII Соборного Уложения и арт. 163 гл. XIX Воинского артикула роженицам грозила смертная казнь. Принимая решения по данным делам, совестный суд учитывал человеколюбие императрицы, основывался на святых её предписаниях и, «предоставляя все сие бедственное происшествие суду божьему», даровал им жизнь. Преступницы отсылались в Духовную

консисторию для определения наказания в виде церковного покаяния, монастырских работ, соблюдения епитимьи. Данные решения суда одобрялись военным генерал-губернатором³.

Убивший свою жену крестьянин Еремей Игнатов показал в уголовной палате, что, уехав пахать пустошь, лежащую в 10 верстах от деревни, велел своей жене на другой день принести к нему обед. Не дождавшись еды, пошёл домой. В трёх верстах от деревни, встретив жену, подрался и нанёс ей два удара кулаком по голове, отчего она умерла. Уголовная палата отослала дело в совестный суд, т. к. Игнатов «впал в прегрешение». Согласно арт. 163 гл. XIX Воинского артикула за неумышленное убийство «наказание легче бывает», и члены суда приказали вышеозначенного крестьянина Игнатова послать на три месяца в городскую работу, а затем отослать к епархиальному архиерею для определения на трёх недельное покаяние и освободить⁴.

Вторая категория дел касалась *безумцев и детей*. Согласно закону от 25 июня 1765 г., по криминальным делам, кроме продажи, закладов и т. п., лиц в возрасте от 10 до 15 лет секли розгами, от 15 до 17 годов – плетью⁵. После расправы их отдавали родителям с обязательным увещанием, что «одно только малолетство избавляет их от действительного наказания, а в будущем за аналогичное преступление избежать наказания они не смогут и судить их будут по всей строгости закона», как это произошло с малолетней девкой Василисой Трифионовой, высеченной розгами за кражу платья у своей матери Марфы Ефимовой⁶.

Несовершеннолетнюю Авдотью Ермолаеву обвинили в попытке поджога помещичьего скотного двора. На следствии она показала, что «возымела намерение поджечь господский скотный двор без всякой причины, по глупости, и потому, что у неё болит голова и приходит

¹ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 90. Л. 131, 131 об.

² Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 г. Гл. XXVI «О совестном суде и его должности». Ст. 395–403 // Законодательство Екатерины II. 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2001. С. 876.

³ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1. Л. 426, 426 об. 427. Там же. Д. 454. Л. 31, 31 об.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1. Л. 158, 158 об., 159.

⁵ ПСЗ. РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12424.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1. Л. 513, 513 об.

дурнота в нарождении месяца», сообщников и подстрекателей не имела. Во время совершения преступления, по мнению врачей, у Авдотьи «умственные способности находились в расстроеном состоянии». Поэтому суд решил не ставить в вину Ермолаевой означенного ей поступка, освободить из тюремного замка и отослать в вотчину на попечение её родителям или посторонним лицам. Генерал-губернатор граф А. А. Закревский приговор одобрил¹.

Крепостная девка Евгения Васильева из Переяславского уезда была судима за самовольную отлучку с места своего жительства. Как несовершеннолетней суд определил ей наказание: нанести 20 ударов плетью, а затем вернуть помещице².

Изменилось отношение властей и к третьей категории дел – *колдовству*. В екатерининскую эпоху суеверие перестало считаться тяжким преступлением, это «лишь глупость, обман и невежество», и всё же, как отмечалось выше, относили его к деяниям, подлежащим судебному преследованию. Суеверие в крестьянской среде имело формы ворожбы, колдовства, наговоров.

Мещанин Иван Воронин, выгнанный со свадьбы своего брата за сквернословие, решил отомстить. Завернув в бумагу золу и сажу, положил свёрток под порог дома брата, чтобы зажечь его по волшебству. Их мать, чуть отодвинув порог, «получила великую болезнь». Суд установил, что поступок Ивана Воронина заключал в себе глупость и обман и не мог причинить матери мнительный припадок. Поступил он только из-за «желания отомстить своему брату и поссорить его с женой». Суд признал возможность отправить Воронина для исправления его распущенности «на монастырскую работу на срок потребного на устранение и исправление, а затем его для отдачи родственникам под строгое за ним наблюдение». Духовная консистория определила Ивану Воронину двухмесячный срок³.

Совестный суд контролировал законность содержания под стражей. Ст. 401 Учреждений позволяла принимать прошения от лиц, содержащихся без основания в тюремном замке более 3-х суток. По решению суда их освобождали с отдачей на поруки. Зимой 1849 г. по истечении трёхдневного срока в совестный суд обратился П. Ф. Эккарт, подавший прошение о своём освобождении и о взыскании с виновного денег за убытки и обиду. В ходе судебного разбирательства было установлено: во-первых, необоснованность ареста, а во-вторых, что арест осуществился по частной просьбе графа В. П. Голинищева-Кутузова к московскому обер-полицеймейстеру. Поэтому, «не находя законного основания содержать Эккарта под арестом», суд, руководствуясь ст. 1064 XV т. Свода законов, отдал его под поручительство провизора А. К. Фейерейзена⁴. Решение суда по данному делу невозможно переоценить. Впервые в судебной практике применялась ст. 401 Учреждений, ограничивающая произвол местных властей.

Ввод в научный оборот архивных документов позволяет по-новому взглянуть на проблему. В частности, мнение В. О. Ключевского, что «...за все царствование Екатерины не насчитать и десятка дел, решённых во всех совестных судах надлежащим образом»⁵, не подтверждается судебной практикой. Василий Осипович не обозначил своего понимания дефиниции «надлежащим образом», т. е. на что он ориентировался – на закон или справедливость. Но неслестная оценка, данная им совестному суду, надолго утвердилась в науке.

Утверждение, что каждая пара судей занимается делами своего сословия⁶, не просматривается в письменных источниках. Нами было обнаружено значительное ко-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 629. Л. 28, 28 об., 49–50 вкл. об., 52, 56.

² ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 82. Л. 848–888 вкл. об.

³ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 433. Л. 2, 62 об., 63, 64, 66.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 82. Л. 396–405 вкл. об.

⁵ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1993. С. 305.

⁶ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 г. Гл. XXVI «О совестном суде и его должности». Ст. 395–403 // Законодательство Екатерины II. 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2001. С. 876.

личество решённых дел в суде без участия заседателей от поселян¹. Предполагаем, что прав был Кнорринг, считавший выборных от сословий – заседателями дворянскими, гражданскими, сельскими, а не заседателями по дворянским, гражданским и другим делам².

Суждение о недостаточной подготовке судей как одной из причин «низкой эффективности совестных судов» [3] не выдерживает никакой критики, хотя бы в отношении судей Московского совестного суда. Из сохранившихся формулярных списков и опубликованных документов можно установить, что они имели чины, соответствующие V–III классу Табеля о рангах, титулы (граф, князь), придворные звания (флигель-адъютант, камергер). Многие за участие в военных кампаниях были награждены отечественными и иностранными орденами и имели опыт работы в различных министерствах. Судьи Лопухин, Нелидов, Толстой были лично знакомы с императорами и выполняли их поручения, т. е. входили в элиту российской бюро-

кратии. Автор оставляет в стороне вопрос о знании ими юриспруденции. Укажем только, что к середине XIX в. 75% членов Сената не изучали юридических наук [1].

Таким образом, необходимо дальнейшее тщательное исследование по составу суда и судебного процесса. Более пристальное внимание заслуживает изучение финансового обеспечения суда и института поручительства, существовавшего с середины XVI в.

Подводя итоги, отметим, что всесловность суда носила декларативный характер и была относительной. Суд, в первую очередь, ориентировался в своей деятельности на дворян и купечество. И, сам не ведая, в условиях феодально-крепостнической системы вносил в общество элементы гуманизма, а участие заседателей от различных сословий в деятельности суда способствовало развитию юридической системы и формированию гражданского общества.

Статья поступила в редакцию 27.12.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. 288 с.
2. Пирожкова И. Г., Терехов В. В. Судебные реформы периода дворянской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (86). С. 153–155.
3. Разумов Е. В. Создание и деятельность совестных судов в Казанской губернии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 159–160.
4. Совестный суд Екатерины Великой – история и современный проект: материалы конференции. Оренбург: Южный Урал, 2016. 48 с.
5. Страхов С. Е. Институционализация губернских судебных учреждений в губерниях Российской империи при Екатерине II // Актуальные проблемы Российского права. 2019. № 2 (99). С. 11–22.
6. Старикова Н. В. Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) // Вестник Мининского университета. 2013. № 4 (4). С. 6.
7. Харсеева О. В. Совестный суд в истории ювенального правосудия императорской России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 2. Т. 4 (20). С. 330–342.

REFERENCES

1. Zaionchkovsky P. A. *Pravitelstvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX veke* [The Government of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow, Mysl Publ., 1978. 288 p.
2. Pirozhkova I. G., Terekhov V. V. [Judicial reforms of the noble Empire]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical,

¹ ЦГА Москвы. Ф. 91. Оп. 2. Д. 2. Л. 69.

Там же. Д. 118. Л. 1 и др.

² Кнорринг Н. Н. Очерки по истории Тульского совестного суда в Екатерининское время. Харьков, 1917. Л. 25.

- Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 12-2 (86), pp. 153–155.
3. Razumov E. V. [The establishment and activities of arbitration courts in the Kazan province]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, no. 16, pp. 159–160.
 4. *Sovestnyi sud Ekateriny Velikoi* [The Court of Conscience by Catherine the Great – History and Modern Design]. Orenburg, *Yuzhnyi Ural Publ.*, 2016, 48 p.
 5. Strakhov S. E. [Institutionalization of provincial judicial institutions in the provinces of the Russian Empire under Catherine II]. In: *Aktualnye problemy Rossiiskogo prava* [Topical Issues of Russian Law], 2019, no. 2 (99), pp. 11–22.
 6. Starikova N. V. [The provincial court in the judicial system of Catherine II (materials of the Nizhny Novgorod region)]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of University of Minin], 2013, no. 4 (4), p. 6.
 7. Kharseeva O. V. [The Court of Conscience in the history of juvenile justice in Imperial Russia]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Academic Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Jurisprudence], 2018, no. 2, vol. 4 (20), pp. 330–342.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-kmp@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Baranov – PhD in History, associate professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-kmp@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баранов Ю. В. Судебная практика московского совестного суда (1782–1861 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 67–73.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73

FOR CITATION

Baranov Y. V. Judicial Practice of the Moscow Court of Conscience (1782–1861). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 67–73.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-67-73